

Внимание! В данный момент ведутся работы по уточнению и исправлению данного текста. Об окончании работ над текстом мы объявим дополнительно. П р о л о г О вы, замужние, о вдовы, О девки с целкой наотлет! Позвольте мне вам наперед Сказать о ебле два-три слова. Ебьтесь с толком аккуратно, Чем реже еться, тем приятней, Но боже вас оборони От беспорядочной ебни! От необузданной той страсти Пойдут и горе и напасти, И не насытит вас тогда Обыкновенная елда. К прологу (дополнение) Блажен, кто смолоду ебет И в старости спокойно серет. Кто регулярно водку пьет И никому в кредит не верит. Природа женщин наградила; Богатство, славу им дала, Меж ног им щелку прорубила И ту пиздою назвала. Она для женщины игрушка, На то названье ей пизда, И как мышинная ловушка, Для всех открытая всегда. Она собой нас всех прельщает, Манит к себе толпы людей, И бедный хуй по ней летает, Как по сараю воробей. Ч а с т ь п е р в а я Дом двухэтажный занимая В родной Москве жила-была Вдова — купчиха молодая, Лицом румяна и бела. Покойный муж ее мужчиной, Еще не старой был поры. Но приключилась кончина Ему от жениной дыры. На передок все бабы слабы, Скажу, соврать вам не боясь, Но уж такой ебливой бабы Никто не видел отродясь! Покойный муж моей купчихи Был парень безответный, тихий И слушая жены наказ Ее еб в сутки десять раз. Порой он ноги чуть волочит, Хуй не встает — хоть отруби. Она и знать того не хочет: Хоть плачь, а все-таки еби! Подобной каторги едва ли Смог вынести кто. год прошел И бедный муж в тот мир ушел, Где нет ни ебли, ни печали. Вдова, не в силах пылкость нрава И буйной страсти обуздать, Пошла налево и направо И всем и каждому давать. Ебли ее и молодые И старики и пожилые, А в общем все кому не лень Во вдовью лазили пиздень. Три года ебли бесшабашной, Как сон для вдовушки прошли, И вот томленья муки страстной, И грусть на сердце ей легли. И женихи пред ней скучают, Но толку нет в ней ни хуя И вот вдова грустит и плачет И льется из очей струя. И даже в еблишке обычной Ей угодить никто не мог: У одного — хуй неприличный, А у другого — короток. У третьего — уж очень тонок А у четвертого — муде Похоже на пивной боченок И больно бьется по манде. То сетует она на яйца — Не видно, словно у скопца, То хуй короче, чем у зайца... Капризам, словом, нет конца. И вот по здравому суждению Она к такому заключенью Не видя толку уж ни в ком, Пришла раскинувши умом: «Мелки в наш век пошли людишки — Хуев уж нет — одни хуишки, Но нужно мне иль так иль сяк Найти себе большой елдак! Мне нужен муж с такой елдою, Чтоб еть когда меня он стал, Под ним вертелась я юлою И зуб на зуб не попадал!» И рассуждая так с собою, Она решила сводню звать — Уж та сумеет отыскать Мужчину с длинную елдою! Ч а с т ь в т о р а я В Замоскворечье, на полянке Стоял домишко в два окна. Принадлежал тот дом мещанке Матрене Марковне, она Тогда считалась сестрицей Преклонных лет, а все девицей. Свершая брачные дела Столичной своднею была. Иной купчихе — бабе сдобной, Живущей с мужем стариком, Устроит марковна удобно Свиданье с ебарем тайком. Иль по другой какой причине Жену свою муж не ебет, Она тоскует по мужчине И ей матрена хуй найдет. Захочет для забавы хуя, Матрена снова тут как тут, Глядишь — красотку уж ебут! Мужчины с ней входили в сделку, Иной захочет /гастроном! / Свой хуй полакомить и целку К нему ведет матрена в дом. И вот за этой, всему свету Известной сводней вечером Вдова отправила карету И ждет матрену за чайком. Вошедши, сводня поклонилась, На образа перекрестилась И так промолвила, садясь, К купчихе нашей

обратясь: «Зачем прислала, говори! Иль до меня нужда какая? Изволь, хоть душу заложу, А уж тебе я услужу! Коль хочешь, женишка устрой, Просто чешется манда? И в этот раз, как и всегда Могу помочь такому горю. Без ебли, милая, зачахнешь, И жизнь вся станет не мила, Но для тебя я припасла Такого ебаря, что ахнешь!» «Спасибо, Марковна, на слове, Хоть ебарь твой и на готове, Но мне навряд ли он придется, Хотя и хорошо ебется. Мне нужен крепкий хуй, здоровый, Не меньше десятивершковый, Не дам я каждому хую Посуду пакостить свою!» Матрена табаку нюхнула, О чем-то тяжело вздохнула, И помолчав минуты две, На это молвила вдове: «Трудненько, милая, трудненько, Такую отыскать елду, Ты с десяти то сбавь маленько, Вершков так на восемь — найду! Есть у меня тут на примете Один парнишка, ей же ей, Не отыскать на белом свете Такого хуя у людей. Сама я, грешница, узрела Намедни хуй у паренька, Как увидела — обомлела! Как есть пожарная кишка! У жеребца — и то короче, Ему бы ей не баб ебать, А той елдой восьмивершковой По закоулкам крыс гонять. Сам парень видный и здоровый, Тебе, красавица, подстать — И по фамильи благородный, Лука его, Мудищев, звать. Но вот беда, теперь Лукашка Сидит без брюк и без сапог, Все пропил в кабаке, бедняжка, Как есть до самых до порток.» Вдова восторженно внимала Рассказу сводни о луке И сладость ебли предвкушала В мечтах о длинном елдаке. Затем уж, сваху провожая, Она промолвила, вставая: «Матрена, сваха, дорогая, Будь для меня как мать родная, Луку Мудищева найди И поскорее приведи! Дам денег, сколько ни захочешь, Уж ты, конечно, похлопочешь, Одень приличнее Луку И завтра будь с ним к вечерку». Четыре радужных бумажки Дала вдова ей ко всему, И попросила без оттяжки Уж по утру сходить к нему. Ч а с т ь т р е т ь я В ужасно грязной и холодной Коморке, возле кабака, Жил вечно пьяный и голодный Вор, шпик и выжига — Лука. Впридачу бедности отменной Лука имел еще беду, Величины невероятной Восьмивершковую елду. Ни молодая, ни старуха, Ни блядь, ни девка-потаскуха, Узрев такую благодать Ему не соглашались дать. Хотите нет, хотите верьте, Но про луку пронесся слух Что он елдой своей до смерти Заеб каких-то барынь двух! И с той поры, любви не зная, Он одинок на свете жил И хуй свой длинный проклиная, Тоску-печаль в вине топил. Позвольте сделать отступление Назад мне, с этой же строки, Чтоб дать вам вкратце представленье О роде-племени Луки. Весь род Мудищевых был древний И предки бедного Луки Имели вотчины, деревни И пребольшие елдаки. Один Мудищев был Порфирий, При Иоанне службу нес И поднимая хуем гири Порой смешил царя до слез. Второй Мудищев звался Саввой. Он при Петре известен стал. За то, что в битве под Полтавой Елдою пушки прочищал... Царю же неугодных слуг Он убивал елдой, как мух. При матушке Екатерине, Благодаря своей хуине Отличен был Мудищев Лев, Как граф и генерал-аншеф. Свои именья, капиталы, Спустил уже Лукашкин дед И наш Лукашка, бедный малый, Остался нищим с малых лет. Судьбою не был он балуем, И про него сказал бы я — Судьба его снабдила хуем, Не дав в придачу — ни хуя! Ч а с т ь ч е т в е р т а я Настал уж вечер дня другого. Купчиха гостя дорогого В гостиной с нетерпеньем ждет, А время медленно идет. Пред вечерком она помылась В пахучей розовой воде Чтобы худа не случилось Помадой смазала в пизде. Хотя ей хуй большой не страшен, Но тем не менее ввиду Такого хуя, как Лукашкин Она боялась за пизду. Но чу! звонок! она вздрогнула... И гость явился ко вдове... Она в глаза ему взглянула И дрожь почудилась в манде. Пред ней стоял, склонившись фасом, Дородный, видный господин. Он прохрипел пропитым басом: «Лука Мудищев, дворянин.» Вид он имел молодеватый: Причесан, тщательно побрит, И не сказал бы я, ребята, Что пьян, а все-таки разит... «Весьма приятно, очень рада, Про вас молва уже прошла.» Вдова смутилась до упаду

Сказав последние слова. Так продолжая в том же смысле Усевшись рядышком болтать, Вдова одной терзалась мыслью — Скорей бы еблю начинать. И находясь вблизи с Лукою, Не в силах снести томленья мук, Полезла вдовушка рукою В карман его широких брюк. И под ее прикосновеньем Хуй у луки воспрянул вмиг, Как храбрый воин пред сраженьем — Могуч и грозен и велик. Нащупавши елдак, купчиха, Мгновенно вспыхнула огнем И прошептала нежно, тихо, К нему склонясь: «Лука, пойдём!» И вот уж не стыдясь Луки Снимает башмаки и платье И грудей обнажив соски Зовет Луку в свои объятья. Лука тут сразу разъярился И на купчиху устремился Тряся огромною елдой Как смертоносной булавой. И бросив на кровать сразмаху, Заверотивши ей рубаху, Всем телом на нее налег, И хуй задвинул между ног. Но тут игра плохую вышла, Как будто ей всадили дышло, Купчиха вздумала кричать И всех святых на помощь звать. Она кричит — Лука не слышит, Она еще сильней орет, Лука, как мех кузнечный дышит, И все ебет, ебет, ебет! Услышав крики эти, сваха, Спустила петлю у чулка И шепчет, вся дрожа от страха, «Ну, знать, заеб ее Лука!» Матрена в будуар вбегает, Купчиха выбилась из сил — Лука ей в жопу хуй всадил, Но еть бедняжку продолжает! Матрена, в страхе за вдовицу, Спешит на выручку в беде И ну колоть вязальной спицей Луку то в жопу, то в муде. Лука воспрянул львом свирепым, Матрену на пол повалил И длинным хуем, словно цепом Ее по голове хватил. Но тут купчиха изловчилась, (Она еще жива была) В муде Лукашкины вцепилась И их совсем оторвала. Но все же он унял старуху Своей елдой убил, как муху, В одно мгновенье, наповал И сам безжизненный, упал! Э п и л о г Наутро там нашли три трупа — Матрена, распростершись ниц, Вдова, разъебана до пупа, Лука Мудищев без яиц И девять пар вязальных спиц. Был труп Матрены онемевший, С вязальной спицей под рукой, Хотя с пиздою уцелевшей, Но все с проломанной башкой! К о н е ц